

Глава 4

Итоги полевых сборов

4.1. Состав южноазиатских коллекций МАЭ, привезенных Мервартами

Работа участников экспедиции МАЭ 1914–1918 гг. по сбору коллекций на Цейлоне очень ярко характеризует методы их работы, общие научные подходы, методику полевой деятельности, музееведческие замыслы. С одной стороны, они стремились выявить самое главное, ценностно ориентированное в культуре изучаемого народа (в данном случае имелись в виду сингалы — основное население островного государства Цейлон в южной части Южной Азии). С другой стороны, Мерварты должны были соблюдать важный принцип сочетания минимального и необходимого в подборе экспонатов, имея целью музейный показ важнейших черт этой оригинальной культуры. Напомним, что материальные ресурсы экспедиции были ограничены, особенно в связи с началом Первой мировой войны, когда связи с МАЭ оказались весьма затруднены, а денежные поступления нерегулярны, деньги переводились с непредсказуемыми задержками. Сложности начались и с транспортировкой коллекций, первая партия до адресата не дошла. Тем не менее Мерварты были неутомимы как собиратели, и им многое удалось

приобрести или получить в дар для МАЭ. История, цена, местное название, функции вещей отражены в тетради записи этнографических предметов, купленных Мервартами на Цейлоне и в Южной Индии (на 81 странице) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 17].

Вполне выразительно ими представлена «буддийская составляющая» сингальской культуры. В коллекции № 3179 наличествуют образы Будды, персона которого, действительно, многократно встречается на острове в виде храмовых и уличных статуй, монастырских настенных росписей, литографий и другой печатной продукции. Храмом «тысячи будд» иногда называют древний пещерный храм в Дамбулле, возникший еще в начале нашей эры и прославленный уникальными изваяниями будд и настенными панно с буддийскими сюжетами. Со скульптурными изображениями Будды можно познакомиться не только в пространстве монастырей, но и на улицах и площадях многих городов и селений Шри Ланки. Самым типичным, пожалуй, является изображение сидящего Будды (в позе медитации или проповеди), что отражает очень живое представление сингалов о Будде как о просветленном мудреце и учителе. Прославлена статуя стоящего Будды из монастыря в Аукане, датируемая V в. н.э., временем правления царя Дхатусены (459–477), и, возможно, созданная с заимствованием художественной традиции Юго-Восточной Азии: ее копии поставлены ныне в разных местах Шри Ланки. В храмовых помещениях встречаются также изображения спящего или перешедшего в нирвану Будды.

Ланкийский пейзаж немислим также без своеобразного буддийского культового сооружения — ступы. Эти конструкции, похожие на огромные перевернутые белые колокола, обычно посвященные памятным событиям в истории буддизма на острове, а иногда хранящие священные реликвии, встречаются на острове повсюду. Обычно в форме ступы создают и небольшие реликварии (из серебра, золота и другого металла), которые наличествуют практически во всех монастырях. В подобном контейнере хранится и знаменитая реликвия Зуба Будды в г. Канди. Аналогичный

предмет, названный в описи собирателей «дарохранилищницей», тоже был приобретен для МАЭ Мервартами.

В коллекции уделено внимание и образу буддийского монаха, живому символу буддийского вероучения и его главному транслятору в среде верующих. Монахи всегда выделяются среди прочего населения своим внешним видом: они обязательно начисто сбрасывают усы и бороды, а также волосы на голове. Кроме того, они носят особые одежды, напоминающие римскую тогу, иногда оставляя к тому же открытым одно плечо. Одевание их обычно оранжевого, желтого или кирпичного цвета. Комплект монашеской одежды также присутствует в коллекции. Заметим, что вещевая коллекция на эту тему дополнена рядом интереснейших фотографий сингальских буддийских монахов в подобных нарядах (например, № 3313).

В сингальской буддийской практике, в религиозном воспитании очень важную роль до настоящего времени играет собрание джатак — историй о прежних рождениях исторического Будды. Эти истории живут и в местном фольклоре, передаются изустно как нравоучительные рассказы, а также издаются печатным образом в виде сборников. Записанные некогда на языке пали, теперь они больше в ходу в переводе на сингальский язык. *Пансия паннас джатака пота* («Книга о 550 рождениях [Будды]») имеется почти в каждом сингальском доме, читается буддистами-мирянами с детства. Ценность рассматриваемого собрания Мервартов представляет коллекция литографий по рисункам сингальских мастеров на сюжеты джатак (№ 3066) [Краснодембская 1973]. Подобные картины изображаются и на стенах местных буддийских храмов. В музейном контексте это значительный раритет. И еще большую редкость представляет собой комплект деревянных резных панелей на буддийские темы (коллекция № 3130), которыми располагает даже не каждый ланкийский монастырь. Их ценность заключается в том, что эти предметы могут не только быть объектом религиозоведческого рассмотрения, но и послужить образцами высокого художественного ремесла сингалов.

Несмотря на то что буддийское вероучение — главная религия сингалов, оно «не отменило» и существования ряда народных культов, которые составляют немаловажную часть их традиционного мировоззрения. Прежде всего это демонический и астрологический культы, которые имеют заметную оформленность: пантеон, жреца, место действия, атрибуты и приемы служения. Мерварты, конечно, не прошли мимо этих ярких явлений. Благодаря их усилиям МАЭ обладает интереснейшей маской демона 18-ти болезней (коллекция № 3106). Самому культу посвящено подробное описание в их книге «В глуши Цейлона», которое сопровождается записью конкретного обряда, который им удалось наблюдать. С ритуальной драмой, как можно назвать обряды демонического культа, связан и народный сингальский театр Кололам, тоже масочный. Маски персонажей этого театра, привезенные экспедицией, вошли в коллекцию № 3104 (12 номеров, 14 предметов). Заметим, что это был повторный сбор: уже упоминалось, что более полное собрание ритуальных и театральных масок было приобретено Мервартами в самом начале экспедиции, и летом 1914 г. эти предметы были отправлены в МАЭ, но пропали из-за сложностей, возникших с началом Первой мировой войны.

Чрезвычайно редкие и ценные материалы Мервартам удалось собрать по теме астрологического культа сингалов «бали» [Краснодембская 1980]. В этой части удалось зафиксировать проведение соответствующих церемоний, описать идеологическую суть верования, приобрести содержательную рукопись, посвященную правилам проведения ритуалов. И самое главное — доставить коллекцию рисунков известного сингальского художника М. Сарлиса (коллекция № 3020, более 80 предметов), которые являются образцом для жреца при создании скульптурных (точнее, горельефных) изображений персонажей пантеона астрологического культа во время совершения этих ритуалов.

Мервартам удалось также приобрести список оригинальной рукописи, которой владел один из деревенских жрецов астрологического культа, несмотря на то что владеющие такими уни-

кальными пособиями для отправления культа редко делятся ими с чужими.

Бытовой уклад сингалов также отличается заметным своеобразием, которое не исчезло полностью даже в наше время. Например, до сих пор они имеют склонность широко употреблять такие архаические предметы, как керамические и плетеные изделия. На эту сторону местной жизни участники нашей экспедиции также обратили должное внимание.

Прежде всего их заинтересовал керамический промысел. Керамика в принципе излюблена сингалами и является одним из их характерных народных художественно-ремесленных промыслов. Гончарное ремесло — очень важный элемент ланкийской культуры. Судя по историческим свидетельствам, каждая сингальская семья использовала очень большое количество керамических изделий: посуды, ваз, светильников, разных бытовых предметов. Керамику сингалы употребляли для кухонных надобностей, для домашних дел (в большой керамической посуде стирали, купали детей), для украшения своего жилища и храмов, для отправления религиозных обрядов и в культовых церемониях. Сингалы и в наше время считают, например, что приготовленная в керамической посуде еда вкуснее, чем в металлической. И эти этнические представления контрастируют с понятиями северных индийцев, которые слегка брезгуют глиной из-за религиозного предрассудка: у них, наоборот, в чести металлическая посуда как наиболее ритуально чистая. Хотя в XIX–XX вв. керамическая посуда и другие глиняные предметы были заметно потеснены в быту металлическими и фарфоровыми изделиями европейского типа, традиция не прервалась, а теперь, в начале XXI в., напротив, возрождается.

Прежде всего нашими собирателями была составлена коллекция № 3068 (32 предмета), содержащая образцы самой обиходной глиняной домашней утвари. Большая часть этой коллекции представляла собой набор, которым в реальности пользовалась конкретная сингальская семья, и несколько дополнительных предметов расширяли представление о характерном

составе кухонного инвентаря сингалов. Глиняные сосуды коллекции являют нам типичные, традиционные формы бытовой сингальской керамики.

На первое место хочется поставить круглодонный широкобокий сосуд *калагедия*, с которым сингалки многие века ходили за водой, удерживая его рукой на бедре. Это очень женственный образ и типичная картинка сельской жизни. Характерным является и сосуд *муттия*, в котором обычно варят рис (а это основа питания сингалов): в коллекции № 3068 этот важный тип кухонной утвари представлен четырьмя вариантами (№ 3068-3, 8, 25, 26).

Но прежде чем рис варят, его как следует промывают в специальном сосуде, на дне которого изнутри делаются рельефные узоры, о выступы которых трут залитый водой рис, чтобы отмыть от грязи и случайных примесей. Такой сосуд называется *небилия*: парой к нему часто служит *кораха*, в который промытый рис перекладывают (в коллекции № 3068 эти предметы представлены соответственно образцами под № 18 и 17), прежде чем потом переложить его в *муттия*.

Важнейшей добавкой к рису в еде у сингалов являются *ка́рри* — вареные, тушеные или жареные блюда из различных овощей, трав, даже цветов, а также рыбы, курятины и мяса. Эти блюда можно назвать и «гарниром», так как сингалы основным блюдом считают именно рис. Для приготовления этих гарниров используются специальные сосуды: *аппала* (№ 3068-4-7, 9, 27, 28) — для готовки варено-тушеных блюд названного вида и *этили* (№ 3068-10, 11) — для жареных. Первые напоминают широкие и глубокие миски (с ними могут употреблять и крышки, чтобы пропарить ингредиенты *аппала*), вторые скорее похожи на глиняные сковороды с расширяющимися кверху стенками. В кухне обычно имеется несколько таких сосудов, особенно *аппала* — разной высоты и величины в диаметре, чтобы готовить различное количество любимых добавок к рису. Самого же риса варят и едят весьма солидное количество. Рис с добавками сингалы едят обычно в обед/ужин.

Все названные предметы сделаны из обожженной глины.

Имеются в коллекции и настоящие сковороды для приготовления мучных изделий; а также оригинальная соковыжималка (из двух пластин черного дерева, костяного шарика в одной из них и сквозного круглого отверстия в другой) для получения лимонного сока (№ 3068-22). Своеобразен еще один предмет — деревянная конструкция с глиняными горшками (верхние имеют пористое дно) для фильтрования воды (этот станок хранится под № 3068-1). В сингальском быту фильтры для воды необходимы потому, что в местной воде много слюдяных примесей. Этот фильтр Л.А. Мерварт обменяла у семьи Пуссегода на Беркенфельдовский¹ английский фильтр, специально купленный в Канди, и шутливо откомментировала обмен: «Так сами этнографы разрушают этнографию!» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 62. Л. 5]. Впрочем, никто в деревне не стал покупать этот фильтр.

Деревянное блюдо для этикетного обычая угощения бетелевой жвачкой, «разливательно-насыпательные» ложки из скорлупы кокосового ореха и деревянные и плетеные подвесы для их хранения, а также низенькая скамеечка *колумба* и висячий металлический светильник дополняют представление о типичной сингальской кухне.

Особое место среди цейлонских сборов Мервартов занимает коллекция расписной кандийской керамики (№ 3069), содержащая предметы для украшения сингальского дома и отчасти предметы монастырского убранства. Эти предметы были, с одной стороны, абсолютными раритетами не только в музеях мира, но и в самой стране происхождения. С другой стороны, они привлекли внимание собирателей своей оригинальностью, художе-

¹ Фильтр для воды Беркефельда — фильтр из кизельгура (осадочной горной породы — диатомовой земли). Изобретен в Германии (1891), продавался в Соединенном Королевстве компанией Berkefeld Filter Co. Назван в честь владельца шахты в Ганновере, где был получен керамический материал.

ственной привлекательностью и безусловной этнической самобытностью. Коллекция, состоящая всего из 25 предметов, тем не менее ярко демонстрирует, необычность форм, пышность и своеобразии орнамента, колористическую неповторимость расписной керамики кандийских (горных) сингалов. Коллекция впервые была опубликована Н.Г. Краснодембской в 1969 г. [Краснодембская 1969]. Изучение ее недавно продолжено [Краснодембская, Калинина 2015].

Скромно отражены в собрании Мервартов предметы национальной традиционной одежды сингалов: в коллекции № 3193 представлен бытовой женский костюм — кофточка и распашная юбка. К счастью, этот раздел удалось пополнить коллекционными сборами МАЭ 1970–1980-х годов и более позднего времени. Интересным дополнением к коллекции № 3193 служит коллекция украшений из черепахового панциря (№ 3095). Ремесло поделок из черепахового панциря не было исконно сингальским, это скорее была мода конца XIX — начала XX в., принесенная ланкийцам из Юго-Восточной Азии и под влиянием европейских вкусов того времени. Но в этом случае как раз особый интерес представляет то, как сингальская культура адаптирует чужеродное явление, оформляя его целым рядом собственных этнических социальных, ритуальных и этикетных знаков [Краснодембская, Меренкова 2014].

Существенную для показа национальной культуры и традиционного образа жизни сингалов группу предметов составляют образцы сельскохозяйственного инвентаря: плуги разных видов, палка-копалка, ровнялки для вспаханной почвы, а также серпы, ножи, веялки. Многие из этих экспонатов демонстрируются в постоянной экспозиции отдела Южной Азии МАЭ. Также здесь выставлены предметы, связанные с переработкой продуктов кокосовой пальмы: скорлупа и волокно ореха, а также изготавливаемые из них утилитарные предметы — веревки, щетки, сосуды и др. Присутствуют и те, что необходимы при работе с продуктами пальмы: ножи для вскрытия орехов; плетенные из листьев пальмы шляпы от солнца и сумки для сбора пальмового сока.

Ценный раздел представляют собой коллекции с разнообразными образцами плетения (№ 3072, 3076), поскольку употребление плетеных изделий в быту до сих пор составляет важную культурную привычку сингалов. Среди плетеных изделий — сумки, веера, кошельки, корзины, шкатулки для украшений, различные коробки и, конечно, циновки, без которых и теперь не обходятся практически ни в одном сингальском доме. На циновках спят, сидят, ими покрывают полы, занавешивают стены и дверные проемы, их употребляют в качестве подстилки под зерно, овощи, другие продукты, на них хозяйки занимаются готовкой пищи. Самые красивые циновки со сложным орнаментом и поныне делают в деревнях в долине Думбара в Центральной провинции Шри Ланки, близ Канди. Ткачи, изготавливавшие эти сложные изделия (*Dumbara mats*), обладали более высоким статусом, чем простые плетельщики [Котин, Соболева 2016]. Плетение — один из древнейших ремесленных промыслов Шри Ланки. Среди привоза Мервартов художественной ценностью выделяются калутарские изделия, отличающиеся неповторимым орнаментом и оригинальностью плетения. Эти материалы уже частично вовлечены в процесс научного изучения [Краснодембская 2015].

В целом можно сказать, что сингальские экспонаты, собранные Мервартами, могли бы послужить для создания полноценной этнографической экспозиции, посвященной культуре и быту данного народа. И такая экспозиция была бы содержательной и вполне отражающей этнические реалии. Однако для экспозиционного отдела Южной Азии МАЭ принят тематический принцип. Тем не менее в разных его разделах, действительно, присутствует много сингальских предметов, в частности из коллекций, привезенных экспедицией 1914–1918 гг.

Интересно сопоставить названный коллекционный привоз с теми экспозиционными материалами, которые представлены в современном музее Шри Ланки, созданном в совсем недавние годы и посвященном традиционному быту сингалов. Этот музей под названием «Апе Гама» («Наша деревня») находится в Колом-

бо и пользуется большой популярностью у местного населения, вызывая у них, судя по всему, ностальгические и даже горделивые чувства. Н.Г. Краснодембской удалось посетить этот музей под открытым небом, где отдельными блоками представлены, так сказать, различные «уголки» традиционного сингальского селения: жилища (простого крестьянина и старосты деревни, учителя и знахаря — таковы обычные деревенские типы), хозяйственные постройки, простые технические сооружения.

Инсценированы и некоторые процессы сельскохозяйственного труда (например, сооружено пространство тока, где с помощью быков обмолачивают рис нового урожая) и повседневной жизни (к примеру, поход к гадалке). Обитатели селения (люди, животные, птицы) представлены и соответствующими манекенами, и живыми персонажами. Служители музея одеты в традиционные костюмы и заняты повседневными делами: несут воду, убирают усадьбу, готовят еду. Между постройками бродят и лежат собаки, ходят петухи с курами. Возле сцены тока нам пропели песенку, какие обычно поют при обмолоте зерна. А во «дворце» старосты (так традиционно называли его не слишком уж роскошное жилище) показали, как играть в традиционную игру с ракушками и семенами на деревянном поле.

Повсюду в «Апе Гама» присутствуют традиционные предметы бытового обихода сингалов: глиняные, плетеные, деревянные, тканые изделия. Это обилие дополняется богатой экспозицией современных ремесленных и художественных изделий, которые предлагает на продажу посетителям музея государственная фирма “Laksala”. Цены здесь, правда, довольно высокие, но кое-что (например, некоторые маски) стоило бы приобрести. Наличествует на территории музея и ряд частных прилавков.

Н.Г. Краснодембская, И.Ю. Котин и Е.С. Соболева посетили Музей народного искусства и культуры (литературно-этнографический), созданный в дер. Коггала — на родине первого сингальского писателя-реалиста Мартина Викрамасингхе. В частности, там имеется коллекция средств наземного и водного транспорта, представлены костюмы разных народов и социаль-

ных групп колониального Цейлона. Привезенные Мервартами в МАЭ модели морских и речных судов опубликованы [Лебедева, Соболева 2015].

Очевидно, что этнографические сборы в Шри Ланке еще можно продолжать (и они продолжались в последние десятилетия), чтобы расширить коллекцию МАЭ. Однако даже без новых пополнений можно утверждать, что сингальские коллекции нашего музея вполне представительно демонстрируют основные черты этнической культуры этого народа. Прежде всего благодаря именно полевым сборам специальной этнографической экспедиции МАЭ 1914–1918 г., которую осуществили супруги А.М. и Л.А. Мерварты.

В огромной Индии, разумеется, были не всегда применимы методы исследовательской и собирательской работы, какие Мерварты использовали на Цейлоне. Поэтому здесь в их трудах прослеживаются два основных принципа. С одной стороны, они старались в некоей достаточной полноте представить в своих исследованиях и в будущей экспозиции МАЭ народы всех географических регионов Индии (в определенной степени они соответствуют и главным культурным ареалам), основные и малые. С другой стороны, не имея, конечно, возможности отразить в коллекциях всю полноту их этнической специфики в монографической всесторонности, исследователи сосредоточили свое внимание на самых ярких явлениях и артефактах того или иного народа. Таким образом, их интерес был обращен к кашмирцам и пенджабцам, бенгальцам, различным этническим группам Южной Индии, как к большим народам, так и к малочисленным племенным и кастовым группам.

Коллекции, связанные с народами Северной Индии, составили несколько содержательных групп. Часть из них содержит предметы, распространенные в названном регионе достаточно широко, без узкой этнической привязки, в частности у говорящих на языке хиндустани и его диалектах. В конце 1916 г. Мерварты провели значительную часть времени в Дели и оттуда совершали поездки в знаменитые религиозные и культурные

центры региона. Это, в частности, отражено в коллекциях № 2989 и 2993, содержащих около ста предметов, связанных с индуистским культом. Здесь присутствуют индуистские амулеты и печати, которыми верующие, особенно во время паломничества к святым образам и объектам поклонения, наносят на свое тело религиозные символы и знаки принадлежности вере и секте. Возможно, эти предметы (коллекция № 2989) были собраны в самом Бенаресе. Вторая коллекция, приобретенная в Лакхнау и состоящая из интересного набора глиняных раскрашенных миниатюрных скульптур, представляет различные типы населения северо-центрального региона Индии, а также изображения индуистских богов и, в частности, уникальную подборку образов аскетов различных сект со всеми особенностями их внешних черт.

Часть этих предметов уже занимала свое место в соответствующей экспозиции. Последней группой персонажей недавно особо заинтересовались индологи МАЭ М.Ф. Альбедиль и Я.В. Васильков, опубликовавшие эту часть коллекции с подробным научным описанием феномена индийского аскетизма. Отмечая, что «в истории индийской духовности аскеты сыграли исключительно важную роль», авторы подчеркивают, что «именно их среда воплощала в своем образе жизни главные религиозные идеалы и ценности и веками сохраняла их, нередко аскеты становились основоположниками новых религиозных течений и школ» [Альбедиль, Васильков 2015]. Этой публикацией введен в научный оборот редкий и интересный материал, который, безусловно, будет оценен нашими историками, этнографами и религиоведами.

Бытовые предметы из Северной Индии собраны в коллекциях № 3159 и 3178: здесь наличествуют типичные металлические сосуды разнообразной формы и другая кухонная утварь (три с лишним десятка предметов).

Специально собиратели уделили внимание атрибутам и аксессуарам, окружающим жизнь индийской женщины: ими подобраны коллекции парфюмерии и туалетных принадлежностей (№ 2988, около 100 предметов), в том числе вееров [Янковская

2015], женских украшений (№ 3027, более 30 предметов), специальный набор типичных для индийского севера и повседневных для многих индианок лаковых и стеклянных браслетов (№ 3180, более 40 предметов). А в коллекции № 2987 (около 60 предметов) представлены образцы одежды, головных уборов, атрибутов (украшения, четки) различных представителей местного населения.

Ряд коллекций характеризует ремесло и искусство региона: керамику (№ 3171), ткани и вышивки (№ 3164), резное лакированное дерево (№ 3160). Коллекция № 3163 содержит более трех десятков образцов «ситцевобумажной промышленности», дополняется богатым набором резных деревянных штампов для набойки (около 300 образцов в коллекции № 3015).

Особую художественную ценность имеет коллекция миниатюр раджпутской школы (коллекция № 3185, 17 предметов).

Группа коллекций посвящена таким этносам, как кашмирцы, пенджабцы. Здесь также присутствуют бытовые атрибуты: домашняя утварь, в том числе плетеные изделия (коллекция № 2975, около 60 предметов). Любопытные образцы представляют маслобойки, мутовки, весы, оригинальные переносные грелки *канкри* для использования под одеждой возле тела для обогрева в холодное время года. Одежда женская, мужская, повседневная, праздничная и театральная, а также соответствующие украшения (более 150 предметов) представлены в коллекциях № 2977 и 3192.

Значительной редкостью является собрание церемониальных украшений из традиций кашмирских брахманов (№ 3014, 93 предмета) [Мерварт Л.А. 1927а]. Женщины этой касты надевают их по особым ритуальным случаям, прежде всего в обрядах жизненного цикла. Так, кашмирская невеста-брахманка надевает косоплетку, особое украшение типа диадемы на шапочку, наушное украшение, целый ряд ожерелий, которые надевают на молодую женщину на разных этапах свадебного обряда. В описи коллекции МАЭ № 3014 указано, что «за точностью выполнения строго следил привлеченный к работам экспедиции в Кашмире пандит Джагаддхар Джладу Шастри», что «драгоценности носятся всегда

золотые и только по бедности могут быть серебряными, притом серебряными бывают лишь тяжелые уборы! Неблагородные металлы никогда не носят. Лучше употребляется меньше украшений, только самые необходимые. Золото и даже серебро всегда чрезвычайно низкопробное. Эта коллекция драгоценностей была сделана из латуни по специальному заказу экспедиции и является точной копией принятого у пандитов золотого набора. Латунь была взята вместо золота ввиду недостаточности средств экспедиции» [Котин, Соболева 2014: 258].

Разнообразно показаны и местные ремесла: резьба по дереву в виде оригинальных оконных решеток (коллекция № 3110, 12 предметов), резные художественные изделия из орехового дерева (коллекция № 3207, более 60 предметов), образцы вышивок различной техники (коллекция № 3161, 120 предметов). Большой познавательный ресурс имеет коллекция, составленная из образцов/фрагментов кашмирских шалей с разнообразными рисунками. Интересным дополнением по этой тематике являются кашмирские прялки (коллекция № 2997, 2 предмета). Пенджабское ремесло росписи изделий из папье-маше представлено 632 образцами орнаментов индуистского и мусульманского стилей (коллекция № 3228). В коллекции № 2996 (56 предметов) находятся изделия из папье-маше (блюда, подсвечники, подносы, в частности расписная чаша для драгоценных предметов из приданого пенджабской невесты). Кроме того, здесь присутствуют изделия из дерева: панели, ларцы, стол, подставка для чтения священной книги сикхов «Адигрантх». Мерварты в соответствующих описях этих предметов отмечают, что в ремесле кашмирцев и пенджабцев оригинальным образом сплелись орнаментальные традиции разных культур — персидской, китайской и индийской. Пенджабское ремесло представлено и подборкой рисунков для изготовления местных изразцов (коллекция № 3003, 23 предмета). Атрибут местного досуга представлен традиционной игрой из круглых карт *сидаста* (коллекция № 3017).

Этническая культура бенгальцев характеризуется несколькими коллекциями: предметы деревенского быта (коллекция

№ 2982), сельскохозяйственные орудия (коллекция № 3158), женские украшения (коллекция № 3111, более 100 предметов), изображения божеств и персонажей народных культов (коллекция № 2995). Значительный интерес представляет набор кукол *рукада* бенгальского народного театра (25 образов). Эта коллекция была впервые опубликована индологом МАЭ С.А. Маретиной [Маретина 1963].

Редкие экспонаты, иллюстрирующие быт некоторых индийских племен, вошли в коллекции № 2983 (андаманцы, нага, гаро, кули, кхонды), 3105 (содержит оригинальный ассамский нож для домашнего обихода), 2979 (предметы домашней утвари кашмирских гуджаров), 3189 (оригинальные обувь и головные уборы представителей отдельных племен и каст, полтора десятка объектов).

Разнообразны коллекции по Южной Индии. Особенности хозяйственной жизни иллюстрируются моделями земледельческих орудий (коллекция № 3154). Богато собрание южноиндийской керамики оригинальных местных форм (коллекции № 3165 и 3452, общим числом около 500 предметов).

Мир женщины из Южной Индии характеризуют коллекции туалетных принадлежностей, парфюмерии, украшений (№ 3172, 3007, 3187), а также собрание особых символов замужества — знаки под названием «тали» (коллекция № 3062, около 50 образцов). Эти ритуальные и одновременно художественные украшения замужние женщины носят на шее как подвески.

Духовная сфера жизни южных индийцев характеризуется интересной коллекцией деревянных раскрашенных аватар Вишну (коллекция № 3070, 21 предмет) и изображениями божеств в некоторых художественных произведениях. Художественное ремесло представлено изделиями из слоновой кости (коллекция № 3079 содержит около 40 предметов — изделия из слоновой кости и инструменты костореза), металла, в том числе в технике «бидри» (коллекция № 3082, в числе 70 предметов имеются и инструменты ювелира), рисунками на слюде (коллекция № 3186, 9 предметов). В коллекции № 3089 собран богатый набор шаблонов для резьбы

по дереву и слоновой кости. Как указывает Л.А. Мерварт в описи относительно набора украшений, «все эти драгоценности были сделаны специально для экспедиции, причем заказаны они были и за выполнением заказа любезно следил директор государственного музея в столице княжества Кочин, городе Тричур, Ананта Кришна Айер» [Котин, Соболева 2014: 257]. Художественная посуда из «мыльного камня» характеризует ремесло из богатого тамильского города Коимбатора (коллекция № 3173, 45 предметов).

Огромную научную ценность имеет уникальная коллекция костюмов и атрибутов актеров малабарского театра катхакали, который Мерварты впервые открыли для ученых западных стран (коллекция № 3090, 163 предмета) [Meerwarth 1926]. Эта коллекция присутствует на постоянной экспозиции отдела, для чего были созданы специальные манекены, изображающие важнейшие действующие лица спектакля «Рамаяна».

Южную культуру характеризуют и оригинальные письменные принадлежности: металлические стилусы и тростниковые перья (коллекция № 3081, 108 предметов). Представлен и широкий набор местных украшений (коллекция № 3093, около 150 предметов).

Особый разряд составляют предметно-тематические коллекции, где собраны схожие по функции объекты из разных районов Южной Азии, представляющие культуру различных этносов. Так, в коллекции № 3016 обнаруживаются приборы для курения и приготовления бетелевой жвачки (около 30 предметов); в коллекции № 3076 — циновки из Южной Индии и Цейлона; № 3097 — модели лодок и рыболовных принадлежностей, из Кашмира, Южной Индии и Цейлона — около 40 предметов. В коллекции № 3182 представлены маслбойки из Северной и Южной Индии (около десятка предметов). Коллекция № 3103 составлена из предметов (Индия и Цейлон), созданных из продуктов кокосовой пальмы (более 30 экспонатов).

Коллекция № 3086 (12 предметов) содержит ваханы индуистских богов, используемые как носилки для соответствующих изображений (обычно скульптурных) божеств, которых несут

в ритуально-праздничных процессиях. В коллекции № 2087 собраны изображения персонажей и символов народных культов Бенгалии и Южной Индии («столбы предков», «духи» народных культов) — всего более 60 предметов. Коллекция № 3098 содержит общераспространенные в регионе Южной Азии предметы индуистского культа (около 80); под № 3101 соединены атрибуты отшельников, как индуистских, так и мусульманских.

В коллекции № 2980 собраны музыкальные инструменты разных народов Южной Азии, некоторые из них давно присутствовали в индийской экспозиции МАЭ [Альбедиль 2015]. В дополнение к ней наличествует интересная коллекция миниатюрных скульптур из Южной Индии и Цейлона, изображающих музыкантов и танцовщиц (коллекция № 3109, 19 предметов).

В коллекции № 2984 разнообразно представлены детские игрушки (около 150 экспонатов) и с севера, и с юга Индии. Немногочисленны, но интересны по составу коллекция № 3006 (объекты исламского культа, 7 предметов) и коллекция из Ориссы, содержащая предметы, связанные с праздником в честь местного культа божества Джаяганнатха в г. Пури: скульптура малой формы, изображения божеств из мыльного камня (№ 2978, 10 предметов).

Стоит обратить внимание, что экспедиции удалось доставить в МАЭ очень хрупкие и сложной конфигурации экспонаты: это модели бенгальской деревни, а также сцен, изображающих выращивание и использование продуктов пальм — кокосовой и пальмиры. Выполненные местными мастерами, они ярко передают колорит жизни народов Южной Азии и пользуются постоянным интересом посетителей индийской экспозиции.

Итак, из приведенной информации о составе коллекций, вывезенных экспедицией Мервартов из Индии и Цейлона, уже становится достаточно ясно, почему при создании постоянной экспозиции отдела Индии они использовали не монографический подход (представление отдельных этносов с особенностями их культуры в большей или меньшей полноте), а принцип тематического показа главных черт культуры и быта проживающих в Юж-

ной Азии народов в целом. Предметы разного этнического происхождения сгруппированы так, чтобы дать представление о главных особенностях и чертах быта, жизненных принципов, культуры всего населения Южной Азии. А этнические их особенности представлены через уникальные образцы созданных ими артефактов.

Эти принципы отразились и в первом путеводителе этой первой комплексной экспозиции — в статье А.М. Мерварта «Отдел Индии» [Мерварт А.М. 1927в], которая, в сущности, является кратким этнокультурологическим описанием цивилизации, созданной народами Южной Азии. Эти принципы были унаследованы всеми индологами МАЭ, кто в дальнейшем хранил, дополнял и благоустраивал созданную А.М. и Л.А. Мерварт и сохраненную до наших дней экспозицию отдела Индии

4.2. Уроки этнографической работы А.М. и Л.А. Мерварт

Далеко не все, даже самые опытные, этнографы сознают, насколько специфична полевая этнографическая работа в этнической среде стран Южной Азии. Поэтому нам кажется, что навыки и результаты работы первой экспедиции МАЭ, проведенной в начале XX в., могут оказаться полезными и современным исследователям.

Ярким эпизодом этнографической экспедиции МАЭ в Южную Азию в 1914–1918 гг. была работа на Цейлоне (ныне Шри Ланка), куда они прибыли к началу лета 1914 г. Разумеется, есть некоторые общие подходы, которые используются во всех регионах. Так и Мерварты, начав свою работу с Цейлона, первым делом обратились к изучению коллекций Национального музея в Коломбо (краеведческого по своей сути, каким он остается и до сих пор), обосновав это богатством и представительностью собранных там материалов по культуре местных народов. С самого начала они также воспользовались платной помощью местных жителей (соответственно и достаточно образованных). На этом этапе им уже удалось определить, что является характерным и наиболее важным в местной культуре, и даже собрать ценные коллекции.

Однако уже скоро они почувствовали, что видят только внешнюю сторону жизни ланкийцев (к тому же ярко окрашенную реалиями колониального бытия и доминирования, особенно в городах, английского культурного уклада). Поэтому они начали искать пути проникновения в подлинную суть местного быта, чтобы познакомиться с собственно этническими социальными и религиозными обычаями основного населения Шри Ланки — сингалов и тамиллов. Прежде всего они стали изучать соответствующие языки, без чего сближение с коренными жителями было невозможно. Труднее было в прямом смысле проникнуть в дома людей для непосредственного наблюдения и получения существенной информации.

Оказалось (и это наши исследователи многократно подчеркивали), что эти возможности легче открываются женщине. Разведав особенности местного этикета знакомства и гостеприимства, Людмила Мерварт сумела сблизиться с некоторыми местными семьями, в результате чего ей удалось провести значительные периоды времени в деревнях и общинах в качестве гостьи с «широкими правами», почти на родственном уровне.

Работа на Цейлоне, куда Мерварты прибыли к началу лета 1914 г., безусловно, была очень ярким эпизодом полевой этнографической работы экспедиции. Отсюда начиналось их трудоемкое и насыщенное научное путешествие по региону, здесь они впервые вырабатывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея. К тому же им с первого взгляда понравилась страна, ее люди, и в их изучение они вложили свежий энтузиазм и мощный заряд любознательности, еще не омраченные приближавшимися трудностями, связанными с началом Первой мировой войны.

К тому же, как уже упоминалось, наши этнографы сознавали, что по-настоящему им все же не удавалось реально сблизиться с местными семьями, войти в их дома, завести не только официальные контакты. Отметим: как была эта задача непроста на Цейлоне во время Мервартов, так и сохраняется в современной Шри

Ланке. «С улицы» к этим людям запросто не придешь. И будет большой удачей, если подобные связи и отношения удастся установить [Краснодембская 2016].

Людмила Мерварт понимала, что нужно обрести особое доверие в местной среде. Оказавшись в сингальском доме, она стремилась быть не просто гостьей, но разделять все заботы женской части семьи, участвовать в общедеревенских событиях и мероприятиях. И, конечно, она преимущественно общалась с местными жителями на их языке, постоянно в нем совершенствуясь. Несколько месяцев, проведенных на правах своей в названной деревне, дали очень важные результаты в работе. Удалось узнать, как устроен деревенский и домашний быт, как распределяются социальные роли в деревне, в деталях описать устройство традиционного жилища, в частности своеобразное устройство кухни, предметов домашнего обихода, — все по конкретным наблюдениям. Большое внимание было уделено важнейшим ремеслам — гончарству и плетению, так как без предметов этого типа не обходится ни один сингальский дом. В деревне Ампития удалось подробнее изучить традиции одежды, питания, бытовых привычек сингалов. Эти сведения очень ценны для их исторической этнографии, так как мало фиксировались какими бы то ни было свидетельствами и источниками.

Полученный на Цейлоне опыт Л.А. Мерварт позже применила и в различных районах Индии. Будучи гостьей с почти родственными правами, она проводила много времени в деревнях и общинах и смогла непосредственно наблюдать традиционный уклад жизни разных этнических групп (и даже участвовать в ней), что позволило ей собрать редкие (и в те времена еще практически неизвестные западной науке) факты, касающиеся традиционного мировоззрения, религии и верований, социальной культуры, фольклора, этикета местных народов и этнических групп и т.п. Людмила Мерварт преуспела настолько, что в некоторых семьях ее именем называли новорожденных, а память о ее приезде кое-где сохранилась до сих пор.

Этот успех не случаен, так как в обществах Южной Азии «агентами культурной трансляции» (в первую очередь межпоколенной), как правило, выступают именно женщины. И происходит это прежде всего в семье. Разумеется, в этнографической работе можно использовать и общественные, официальные инстанции, но не стоит удивляться возникновению странных казусов, проволочек и т.п. Даже в таком контексте важно проявить личностный, не слишком официальный интерес и уважительное внимание к человеку, с которым вступаешь в контакт. Причем следует помнить, что находишься в строго иерархизированном обществе, основанном на представлениях о кастовом разделении. Общение с «низкокастовыми» людьми может оказаться даже небезопасным для иностранца. Не только зарубежные, но и местные исследователи могут испытывать определенные затруднения (вплоть до общественного осуждения), вступая в контакт с представителями «низких» слоев/групп общества. Эти особенности общения в южноазиатских социумах при всех изменениях в современной жизни в целом сохраняются и до наших дней.

Трудовое и насыщенное научное путешествие Мервартов по региону началось с Цейлона, где они впервые выработывали и на практике применяли методы своей полевой работы в изучаемой этнической среде и способы сбора полезной информации и коллекций для музея.

В 2014 г. Н.Г. Краснодембской удалось побывать в деревне Ампития, найти место, где стоял дом, в котором жила Л.А. Мерварт, встретиться с потомками той семьи, где гостеприимно принимали нашего этнографа. Воспоминания о ней все еще хранились у этих людей. И они сообщили нам еще одну подробность: как названный член семьи, Людмила Александровна внесла свою денежную лепту (солидную, как все еще вспоминали здесь) на ее содержание.

Гораздо меньше известны подробности полевой этнографической работы Л.А. Мерварт в Индии. Частично эту тему раскрывает конспект лекции «День индусской семьи», которую она прочитала в ИЖВЯЗ (Институте живых восточных языков) 18 февраля 1925 г. Приведем этот небольшой текст, ранее не публиковавшийся.

«Тема нашей с Вами сегодняшней беседы предст[авляет] собой уравнение с двумя неизвестными, так как для выяснения содержания понятия — день индусской семьи, нам нужно сперва уточнить значение выражения — индусская семья.

Семья — объединение двух лиц разного пола для производства себе подобных, так сказать, биологический подход.

Семья — объединение лиц, пользующихся одним и тем же имуществом — экономический подход.

Семья — объединение лиц, происходящих от одного общего предка — исторический подход.

Возможность и историческая последовательность всех трех подходов. Кратковременность биологического брака (без имущества) — родия² на Цейлоне, групповые браки.

Индусская семья — объединение экономическое. Общее происхождение есть форма ограничения числа пользователей имущества. Этим объясняется как матриархат, так и патриархат.

Владыко собственность требует разработки — патриархат или охраны — матриархат. Пример — 1) семьи брамина или *Vellala*³ 2) *Tarwad*⁴.

Земля, имущество — есть центр семьи. Пример — *Diga*⁵ или *Vina*⁶, брак на Цейлоне.

[Богатства в начале накопления требуют профессионального обслуживания: полигамия — Urali, полиандрия — Khasi. — зачеркнуто.]

² Низшая каста сингалов на о-ве Цейлон.

³ *Vellalar* — высшая каста землевладельцев-тамиллов Тамилнаду и Кералы в Южной Индии, на о-ве Цейлон.

⁴ *Tarwad* — тип матрилинейной большой семьи касты наяров (малаяли) в Керале. В состав семьи включаются глава — женщина *Tarwad*, ее сыновья и дочери, дети дочерей. Имущество семьи является неделимым.

⁵ Форма брака *diga* сингалов в Канди на Цейлоне: дочери получают приданое и, переселяясь в дом мужа, теряют право на наследство.

⁶ Форма брака *bini* сингалов в Канди на Цейлоне: муж переселяется в дом родителей жены и не имеет ни собственности, ни прав; возможно быстрое расторжение брака, если семья выбирает для женщины более подходящего мужа. Реминисценция древней формы брака.

Нельзя не молиться солнцу, земле, ветру, воде и т.д., от которых зависит все благосостояние. Не покинут семью мудрые деды. Добрые матери — вот основа как личной, так и общественной религии семьи.

[Примечания на полях — вероятно, список иллюстраций, примеры:

1. Родия
2. Малабарский дом
- 3) Внутри —«—
4. Дом *Sigiri*⁷
5. Дети около кухни *Sankissa*⁸
6. Ведарка с ребенком
- 7.) Продажа зерна
8. Продажа фруктов
9. Тезаурирование семьи
10. Утечка богатств]

Перерыв.

Содержание понятия индийской семьи мы выяснили, теперь надо отдать себе отчет в ее ежедневной внутренней жизни. Из даже краткого моего перечисления форм индийской семьи Вы видите, что нельзя говорить о тождественности ее внутренней жизни. А ведь я еще и вовсе не касалась того крупного различия, которое получается при формах моногамной и полигамной семьи. Об этом я буду говорить завтра. Какую же форму семьи мы будем сейчас исследовать? Конечно, наиболее распространенную индусскую. Правда и она может быть как патриархальной, так и матриархальной, но здесь у нас имеется важный нормативный элемент: индусское общество — общество кастовое и группируется в порядке строгой

⁷ Возможно, *Sigiriya* (сингал.; «Львиная скала»), скальное плато, возвышающееся на 370 м над уровнем моря в самом центре острова Цейлон; крепость V в. н.э., открытая в 1907 г., памятник, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸ Возможно, *Sankissa Basantapura*, место паломничества буддистов в Северной Индии.

и признанной иерархии. Низшие стараются подражать высшим, поэтому остановимся преимущественно на брахманах, памятуя, однако, что все касты по возможности стараются им подражать.

4 периода жизни брахмана. Семейная жизнь. *Grhasta*⁹ встает до света, созерцает, повторяя имя бога, но не веды, ибо еще не очистился.

Прогулка в лес (вместо уборной), возвращение: мытье рук, ног, рта, чистка зубов, купание в реке или пруде с обращением к 7-ми свящ[енным] рекам. Нырять — *Nari* (вишнуит) или *Nara* (шиваит), три возлияния восходящему солнцу и *gayatri*¹⁰.

Ом, *bhur bhuvah suvah*
Ом, *tat savitur varēnyam*
Bhargō dēvasya dhīmahī
Dhiyō yonah prachōdayāt

Ом, земля поднебесье и небо
Ом, погрузимся в созерцание
Прекрасного животворящего света божественного,
Просвещающего наш разум.

Берет с собой домой воду и дома наносит на лбу и теле религиозные знаки, а потом произносит утреннюю молитву. Очищение тремя глотками воды.

*Sankalpat*¹¹.

Три возлияния *gayatri*, 10 *gayatri* со священной нитью в качестве четок. Молитвы солнцу и четырем сторонам света. *Pravara*¹² возлияния предкам.

⁹ Женатый домовладелец (санскрит.).

¹⁰ *Gayatri* (санскрит.) — гимн, песнопение.

¹¹ *Sankalpat* — Санкальпам, клятва (обещание) перед пуджей или ритуалом, позволяющая богам и святым знать, что совершается пуджа, какую именно мантру и сколько раз будет повторять молящийся и что именно он хотел бы попросить.

¹² *Pravara* (санскрит.; «самый совершенный»). Титул брахмана, потомка риши (мудреца), происходящего из этого рода (готра).

Все эти церемонии повторяются перед обедом, затем идет поклонение домашним богам (статуэткам), предложение им всей пищи.

Порядок сидения за обедом.

Двери запираются, обрызгивание водой и *gayatri*. Едят правой [рукой], пьют левой. Церемониальная чистота воды. После еды очищение глотком воды.

Поздний ужин с теми же церемониями. Посвящение пищи богам жестом руки, ударом гонга и зажиганием камфары.

*Vanabhajanam*¹³, еда в пути и необходимость *choultry's*¹⁴.

Индус чрезвычайно осторожен относительно своей церемониальной чистоты.

Вечером опять молитвы, особенно о добрых снах.

Это, так сказать, костяк дня. Остальное время каждый занят своим делом.

Теперь несколько слов об понятии свящ[енной] нити.

Ее носят только *dvija*¹⁵, брамин надевает на 7-м году, воин на 10-м и купец на 12-м. Церемония *урапауанам*¹⁶.

¹³ *Vana Bhojanam* — ритуал в Андхра Прадеш (телугу), в Южной Индии. Люди общины, собравшись на природе (в лесу или в парке), под деревом амла (*Phyllanthus emblica*), делятся друг с другом пищей или благополучием. Проводится в индуистский месяц *картика* (конец октября — ноябрь) или *шравана* (конец июля — август).

¹⁴ *Choultry* (инд.) — место отдыха для посетителей, где комнаты и питание предоставляются благотворительным учреждением по номинальным ценам.

¹⁵ *Dvija* (санскрит.; «дваждырожденный») — представитель трех высших варн индуизма (брахманы, кшатрии, вайшьи), прошедший обряд *упанаяна*, который символизирует второе рождение и дает право участвовать в ритуалах.

¹⁶ *Урапауана* (санскрит.; «посвящение, введение») — индуистский обряд получения священного шнура *упавиты*, в ходе которого молодого человека одной из трех высших варн формально посвящают в изучение Вед. Обряд *упанаяны* считается вторым, духовным рождением и сопровождается наречением посвящаемому нового имени. Обряд *упанаяны* знаменует окончание детства и вступление юноши в одну из трех высших варн.

*Онам*¹⁷ праздник плодородия (сентябрь) — елка (?).
Необходимость желтого цвета в подарках.

[Примечания на полях — вероятно, список иллюстраций, примеры:

1. *Кашимирка молотит рис*
2. *Отвеивает его*
3. *Сингалезка с водой и рисом*
4. *Женщина готовит пищу*
5. *Домашний алтарь Naga worship*¹⁸
6. *Канара*¹⁹ *сельский храм*
7. *Храм богини оспы*²⁰
8. *Онам Maharishan*²¹
9. *Perahera*²²
10. *Маленькая невеста*

11. *Сожжение трупа*» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 1–2].

¹⁷ Онам — крупнейший фестиваль в южноиндийском штате Керала, одновременно праздник урожая. Проходит в течение десяти дней в месяц *чингом* (август-сентябрь) календаря малаялам.

¹⁸ Nāga (санскрит.; «змея») — змееподобное божество в индуизме и буддизме. Алтари почитания змей в Южной Индии зафиксированы на ряде фотографий Мервартов.

¹⁹ Канара — прибрежная область на западном побережье Южной Индии, к югу от Гоа.

²⁰ Мариамман (тамил.; «Мать») — в индуизме богиня эпидемических болезней. Известна под эвфемизмом «Мать». Считается, что Мариамман ответственна за распространение болезней, особенно оспы, ветряной оспы, холеры.

²¹ Onam Maharishan — «Онам Великих мудрецов». Праздник знаменует собой ежегодное возвращение легендарного царя Махабали к своему народу, к которому он был так привязан.

²² Perahera (сингал.; «процессия») — праздничная процессия на о-ве Цейлон, с костюмированными танцорами и музыкантами, шествием слонов и др. Особо пышный фестиваль Зуба Будды проводится в Канди в июле-августе.

Как видим, в своих лекциях Л.А. Мерварт рассматривала содержание основополагающих этнографических понятий, трактовка которых в разные исторические эпохи менялась, в данном случае понятие семьи. Л.А. Мерварт базировалась на реалиях тех южноазиатских культур, которые она изучала в полевых условиях. Тем самым приведенный материал можно рассматривать как case study. Конспект лекции, таким образом, раскрывает методику преподавания этнографии, которую применяла Л.А. Мерварт в ЛГУ.

Обратим внимание на написание индийских терминов — Л.А. Мерварт придерживается южноиндийского варианта.

К неопубликованному научному наследию Л.А. Мерварт следует причислить рукопись «О возможности торговли с Индией» на девяти страницах [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10–22]. В Индии ею были собраны определенные материалы и наблюдения по сути и особенностям местной торговли и народных представлений о нормах и правилах торговых и товарообменных отношений.

Как правило, представители торговых сословий в Южной Азии легко обсуждают вопросы коммерческой выгоды (но не тайны, конечно), не скрывая, что стремятся к ее обретению, нередко выражают приязнь и симпатию именно через «денежный эквивалент». Именно так надо расценивать исконную систему скидок в торговом деле: это не просто психологический ход для привлечения клиентов, но и своеобразная этикетная норма, способ выразить уважение к покупателю. И в семейно-родственном, и в дружеском обиходе не стесняются одаривать друг друга не только ценными подарками, но и денежными суммами. Иногда норма просто требует этого. Такова личная *дхарма* купца-торговца в южноазиатском мире и целых этнических групп и сословий, чьим профессиональным делом является торговля [Соболева, Краснодембская, Котин 2015: 29].

Эти воззрения отличаются от свойственных представителям более «благородных» социальных разрядов, не связанных с торговым делом: там иногда даже подчеркивают свое равнодушие,

пренебрежение ко всему материальному в отличие от духовного. Тем не менее людей преуспевающих в этом мире всегда уважают, расценивая их достижения как результат кармического успеха.

Без сомнения, Л.А. Мерварт хорошо ориентировалась в ситуации и соотносила свое поведение в местной среде с существующими правилами. Нам известно, что в определенных случаях она и сама не скупилась на «материальное проявление» дружеских намерений. Думаем, это тоже способствовало ее научным успехам.

Осмыслив свой опыт проживания в народной среде и особенности структуры индийского общества, Л.А. Мерварт в 1929 г. высказала ни много ни мало уже целый ряд предложений о перспективах торгово-экономических отношений нашей страны с Индией. По ее мнению, Индия могла стать потенциальным рынком для многих российских товаров, если торговать непосредственно с местным населением, «*минуя английского купца*». При этом она подчеркивала ту выгоду, что Россия будет поставлять «*фабрикаты и полуфабрикаты*», а получать от торгового партнера сырье [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10].

Прежде всего Л.А. Мерварт обратила внимание на возможности товарообмена в области чайной торговли, отметив, что торговцы чаем в Индии из-за дефицита древесины остро нуждаются в фанерной таре, которую могли бы поставлять из России. Еженедельно чайные аукционы в Коломбо и Калькутте продают каждый раз по 1,5–2,5 млн фунтов; 25–50 % чаев имеют право продаваться в них. Остальные чаи продаются в Лондоне на тамошнем аукционе. Чай туда грузят в Калькутте, Коломбо, Бомбее, Мадрасе, вероятно, в Кочине. Она даже привела пример успешного опыта в таком деле: «*Зав. Калькуттским отделением фирмы “Губкин, Кузнецов и Ко.” Ампенов выписал для надобностей торгового дома партию фанерных ящиков в разобранном виде из Владивостока с завода Скидельского. Она превзошла его потребности, но остаток был немедленно приобретен английскими плантаторами за сумму, значительно превышающую стоимость*

всей партии с доставкой и накладными расходами» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 10].

Автор записки отметила также, что в Индии высоко ценят русские автомобильные шины, считая, что они более других подходят для индийских дорог и климатических условий. Даже английские плантаторы (приводится соответствующее высказывание в 1915 г. председателя Южноиндийской ассоциации плантаторов Ричардсона) готовы ради получения таких шин торговать с Россией своим каучуковым сырьем.

Рассматриваются в записке и возможности торговли обувью, в частности резиновой: *«Во время муссона, т.е. дождливого периода, в Западной Индии население испытывает большие затруднения в отношении обуви. Деревянные сандалии не защищают ногу от сырости, вязнут в размякшей почве. Кожаная обувь английского образца быстро портится, дорогая, не употребляется из-за религиозных предрассудков индусов против кожи. Оттого велико количество ревматических заболеваний. Галошный тип имеет большой сбыт. Этого товара не ввозят другие страны» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 11].* Л.А. Мерварт добавляет, что обсуждала возможности такой торговли с несколькими индийскими купцами.

Любопытны предложения Л.А. Мерварт насчет поставки в Индию медного листа и медной посуды, которые весьма востребованы (вплоть до наших дней!) в Индии, особенно в северо-западном и северо-центральном ее регионах: *«Во время войны получение меди сильно затруднено, в обиход с трудом стала входить алюминиевая посуда. Эмалированная посуда не прививается вовсе из-за кастовых и религиозных предрассудков. Меди в Индии нет. Она использовала ввозимую Германией нашу уральскую медь».* Она отмечает, что во время экспедиции ее участники старались приобрести для МАЭ *«наиболее принятые формы индусских сосудов».* Ориентируясь на эти образцы, а также на предметы индийской посуды из собрания музея А.Л. Штиглица, русские *«заводы могли бы легко снабжать индусское население не только полуфабрикатом, листовой медью, но и готовыми посудными из-*

делиями пригодной для него формы» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 11].

И еще одно важное наблюдение этнографа: «Возвизшаяся Англией и Германией посуда в Индии не привилась благодаря своей европейской форме и отсутствию индийских орнаментов. Поэтому возможно предположить, что при условии “индианизации” успех сможет сопутствовать и торговле алюминиевыми изделиями» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 12].

Л.А. Мерварт как этнограф видит перспективы и для торговли в Индии изделиями из стекла: «Индусские женщины всех классов и каст носят много стеклянных украшений, главным образом браслетов или, вернее, запястий, т.к. они не расстегиваются, бус и бисера. Своей стеклянной массы Индия не выделяет, а употребляет на свои поделки стеклянные бутылки из-под содовой, пива, виски и т.д., ввозимые вместе с содержимым из Европы и Японии (пиво). СССР мог бы ввозить не только чистую массу, но и готовые изделия. В Музее этнографии много собранных мною излюбленных в Индии образцов. Этот товар может оказаться весьма выгодным, так как, во-первых, каждая даже самая бедная женщина эти украшения носит и в большом количестве (по 10–12 запястий на каждой руке), и кроме того очень много ритуальных и бытовых случаев, когда их надо разбить и заменить новыми. Япония стала ввозить их во время войны. Ее товар был очень хрупок, пр., зато и дешев, но не очень нравился, так как при всем своем изяществе не соответствовал грубым, но привычным индийским образцам. Бусы и бисер ввозились, главным образом, китайцами, но особенно бусы китайцы много везли из России» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 12].

Отмечены ею возможности торговли золотной и серебряной нитями и канителью, промысел которых, по ее мнению, хотя и деградировал в самой России, но еще может быть восстановлен. А в Индии и на Цейлоне есть в них большая потребность «для вышивки головных уборов, поясов, обуви, женской одежды, для тканей, парчи, кружев». Парча играет очень большую роль как материал при шитье мужской одежды (кафтанов) мусульманского

населения Северной Индии. *«Некоторое количество делается на месте, волочится из чистого золота и серебра и наматывается на желтую или белую шелковую нить. Это дорого! Небольшое количество ниток привозят из Мюнхена, они хороши, но со временем темнеют, их очень мало. Во время войны они совсем исчезли. Ввозятся немецкие и японские золотные и серебряные нитки, но они быстро темнеют и обесценивают всю сделанную ими вещь. Российские нитки для золотошвейной работы и канитель не темнеют, могли бы хорошо продаваться в Индии. Парча вырабатывается в Дели, Лахоре, особенно в Бенаресе, продается по очень большим ценам 75–90 рупий за ярд, то есть от 55 до 70 руб. за метр. Российские ткани дешевле, но надо вырабатывать те сорта и узоры, которые идут в Южной Азии. Образцы их есть в Этнографическом музее, бывшем Штиглица»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 13].

Л.А. Мерварт увидела немалый смысл в поставке тканей в страны Южной Азии, где в 1914–1818 гг. большая часть текстиля была ввозной. *«Я по мере сил и средств собирала излюбленные на местах узоры, думая, что наша текстильная промышленность могла бы использовать их для проникновения на индийский рынок»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 13]. Ею отмечено, что ситцы из России пользуются у местного населения хорошим спросом (примером послужил, в частности, случай, когда «влёт» были раскуплены ткани, снятые с затопленного русского корабля и пострадавшие от морской воды): в 1915 г. в порту Коломбо загорелась «Пермь», шедшая к Галлиполи с грузом пироксилиновых шашек для крейсера «Аскольд», принимавшего участие в операциях английского флота. Капитан ее, контр-адмирал Плядо, во избежание взрыва, открыл кингстоны и потопил ее. Затем она была поднята. Груз, которым были прикрыты снаряды («Пермь» шла как торговое судно Добровольного флота, имея при 3 тыс. тонн водоизмещения капитаном контр-адмирала), попортился от морской воды, поэтому часть его — сахар и мука — была выброшена, а часть — ситец — отправлена на восточный рынок, парфюмерия была продана с аукциона. Ситцы стоили

у нас 10–15 коп. аршин, испорченные водой и дымом шли тюками по 65 коп. — 1 руб. за аршин. Через два дня такого ситца на туземном базаре уже не было, его расхватали по ценам до 3 руб. за ярд.

Это обстоятельство, как комментировала этнограф, *«объяснялось рисунками этих ситцев и их добротностью. <...> Если Индия и обслуживает себя уже сама в отношении тканей, но в Цейлоне — нет, он может поглотить большое количество, особенно если будет состоять не только из бумажных тканей, но и печатного (набивного) шелка эри»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 14]. Добавим, что в 1914–1918 гг. в Индии Л.А. Мерварт познакомилась с производством шелков эри, вырабатываемых на хлопчатобумажных фабриках. Коконами этого шелкопряда занималась шелководческая секция Агрикультурного института в Пуне. Эри отличается от шелка из коконов тутового шелкопряда [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13. Л. 253–255].

В записке говорится и о большой потребности бумажной массы для печатного дела в Индии, и о поставке определенных видов пищевой продукции: *«К местным вкусовым требованиям хорошо подойдут грибы соленые и маринованные (не сушеные), все соленые и маринованные овощи (огурцы, свекла, капуста, морковь, кабачки, помидоры, редька — особенно последняя), тыква, моченые яблоки, брусника»* [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 14]. Основа питания Южной Индии, Цейлона, Западной Индонезии — рис с приварками, острыми приправами. Преимущественно вегетарианцы. Индус очень осторожно и ритуально относится к пище. Англичане, голландцы — мясоеды; индусы считают их еду нечистой, избегают их консервов. Для развития этой отрасли торговли Л.А. Мерварт готова поделиться рецептами, *«которые дают блестящие результаты с нашими кислыми ягодами — брусникой, смородиной, зеленым крыжовником, особенно с клюквой. Их я уже испробовала, они очень близки к излюбленным индийцами сортам, привьются»* [Там же. Л. 15].

Предполагает она и возможность экспорта сладостей: *«Индусы и мусульмане Индии и Цейлона потребляют много сладостей, но английская продукция (шоколад, марципан, помадки, кексы, бисквиты)*

не пользуются большим спросом из-за дороговизны и отрицательного отношения к английской пище, не соответствующей вкусам индийцев. Этим требованиям соответствуют халва, рахат-лукум, гузинаки, тянучки, орехи с имбирем в сахаре, засахаренные фрукты (особенно клюква), пастилы мягкие, смоквы, пряники стилия вяземских. Не подойдут варенья — их нечем есть. Местное население ест руками и пьет только перед или после еды, а не вместе с ней» [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 15].

Ввозить из Индии и Цейлона предлагалось чай, каучук, красящие и дубильные вещества, перец, пряности, рис, кокосовый орех, какао.

И еще очень важный совет этнографа — держать верный тон с местными людьми, проявлять искреннюю заинтересованность в деле и уважительное отношение к партнерам, в отличие от слегка презрительного или снисходительного, которое нередко демонстрируют чиновники и дельцы английской колониальной власти [Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12. Л. 17]. Приведены также сведения об особенностях этнического и религиозного состава разных регионов Южной Азии, даны некоторые рекомендации по организации торговых связей и налаживанию личных деловых контактов.

Очевидно, что представленная записка содержит интересную этнографическую информацию, которая может быть использована как в научных, так и в практических целях. Своеобразный по своим задачам текст, несомненно, демонстрирует наблюдательность, острый ум и аналитические способности Л.А. Мерварт. Возможно, некоторые из ее советов актуальны до сих пор.

Для нас, кроме всего, поучительна сама позиция Л.А. Мерварт, утверждающая идею возможной роли этнографа в развитии торговых отношений между этносами и целыми странами, которая подтверждается опытом полевой работы наших исследователей.

Супруги Мерварт в Индии тщательно готовились к полевой этнографической работе. Об этом свидетельствуют, в частности, их выписки из публикаций Ethnographical Survey о кастах куруба (Kuruba), голла (Golla), мадига (Madiga), холейя (Holeyа) [СПбФ

АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 1], о племени ведан (Vedans, Elichattu) [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 70.], проживавших в Южной Индии.

Г.Х. Мерварт составил на английском языке вопросник для изучения племени арайан (Hill Arayans, Mala-Arayans), проживавшего в горах близ г. Мандакайям (Mundakayam) в Керале. Развернутые ответы на эти вопросы по-английски и на языке малайалам, очевидно, записаны одним из индийских помощников Мервартов [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 1–24].

Л.А. Мерварт изучала сказки и легенды ассамских племен (мифы о происхождении качаров²³ [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 63. Л. 1–5]) и этногенетические предания малайцев²⁴ [Там же. Л. 6–9].

За время экспедиции ее участники, и прежде всего именно Л.А. Мерварт, установили контакты с отдельными группами населения Цейлона и Южной Индии, с мусульманским населением в Дели, Кашмире, Бенгалии. Благодаря глубокому проникновению в сугубо народную среду этнографы смогли узнать многие сокровенные подробности этнической жизни, подлинные представления и понятия представителей разных этнических групп в различных сферах их существования. Ученым открывались в натуральном проявлении глубинные особенности традиционного мировоззрения, социальной организации, бытовых привычек.

Таким образом, А.М. и Л.А. Мерварт были провозвестниками метода «вживания в этническую среду», который стал применяться этнографами во второй половине XX в. Наши ученые использовали этот метод очень плодотворно. Вероятно, им помогло и хорошее обладание эмпатией, но это уже другая тема.

²³ По книге: *Soppitt C.A. A Short Account of the Kuki-Lushai Tribes on the North-east Frontier (districts Cachar, Sylhet, Naga Hills, Etc., and the North Cachar Hills), with an Outline Grammar of the Rangkhoh-Lushai Language and a Comparison of Lushai with Other Dialects.* Assam: Secretariat Press, 1887. 88 p.

²⁴ По книге: *Hambruch P. Malaiische Märchen aus Madagaskar und Insulinde.* Jena: E. Diederichs, 1922. 330 S.